

Sergey Dark

Звёздный
истребитель.
Первый заход

Sergey Dark

Звёздный истребитель.

Первый заход

<https://litres.ru/74350507>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кайен Райкер — контрабандист и пилот потрепанного истребителя Скимитар, привыкший полагаться лишь на рефлексy, удачу и цинизм. Он скрывает своё прошлое и дар чувствительности к Потокy — таинственной энергии, пронизывающей вселенную, но одна неудачная сделка на орбите ледяного гиганта Веллуса запускает цепь событий, из-за которых он оказывается втянут в смертельную игру с Синдикатом, Гегемонией и Инквизицией.

Когда на его пути появляется Мастер Лира Танн — наставница из разрушенного Ордена Астральных Мечников — Кайенy приходится сделать выбор: продолжать бегство или принять свою судьбу. Вместе с юным падаваном Зейном они отправляются на поиски тайного архива и Убежища, способного возродить Орден, но по их следу идёт Опустошитель — предатель, уничтоживший Храм Пустоты.

Кайен должен заново научиться доверять Потоку, иначе он потеряет не только своих спутников, но и последний шанс на искупление.

Содержание

Глава 1: Контрабанда на Орбите Веллуса	5
Г	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Sergey Dark

Звёздный истребитель.

Первый заход

Глава 1: Контрабанда на Орбите Веллуса

Пустота за тонким транспаристилловым колпаком кабины «Скимитара» не была абсолютно черной. Она была наполнена мертвенным, призрачным сиянием ледяного гиганта Веллуса, чей бирюзовый диск занимал собой половину обзора, подавляя своей масштабностью и холодным, безразличным величием. Планета, безмолвная и величественная, висела в пространстве, словно застывшее во времени божество, равнодушно взирающее на копошащуюся в её кольцах мошкар-ру. И прямо сейчас этой мошкаррой был Кайен Райкер.

Он смотрел на эту планету уже третий день, и за это время она успела стать ему почти родной. Огромный газовый гигант с его бирюзовыми облаками, полосами аммиачных штормов и системой колец, состоящих из миллиардов ле-

дяных осколков, отражающих свет далекой звезды, был его временным домом, его укрытием, его охотничьими угождениями. Кайен знал каждый изгиб этих колец, каждый крупный астероид, каждую опасную зону, где ледяные глыбы сталкивались друг с другом, порождая смертоносный рой осколков. Он провел здесь достаточно времени, чтобы составить собственную ментальную карту этого ледяного лабиринта, карту, которая не была записана ни в одном навигационном компьютере, но которая была надежнее любых данных.

Его пальцы, облаченные в потертые перчатки с обрезанными кончиками, обнажавшими загрубевшую кожу с въевшейся грязью и мелкими шрамами, лежали на джойстиках управления, едва касаясь их. Это была поза опытного пилота, человека, который провел за штурвалом больше часов, чем на твердой земле, который научился чувствовать корабль через малейшие вибрации, передаваемые через рукоятки управления. Второй час он висел в тени огромного, изъеденного кратерами астероида, терпеливо ожидая сигнала. Астероид был старым, покрытым следами бесчисленных столкновений, его поверхность напоминала изрытое оспой лицо древнего старика. Он был достаточно большим, чтобы полностью скрыть «Скимитар» от сканеров дальнего радиуса, и достаточно стабильным, чтобы не рассыпаться в самый неподходящий момент.

Двигатели работали на холостом ходу, их низкий, утробный гул почти не ощущался за изоляцией кабины, но Кайен чувствовал вибрацию каждой переборкой своего корабля, каждой заклепкой, каждым сварным швом. «Скимитар» был стар, капризен и местами держался на честном слове и изолените, но он был его домом, его крепостью и его единственным верным союзником в этом холодном, равнодушном секторе галактики. Этот корабль прошел с ним через огонь, воду и медные трубы, через десятки стычек, погонь и аварий. Он знал его характер, его причуды, его слабости. Знал, что правый маневровый двигатель иногда сбоят при резком торможении, что левый бортовой дефлектор имеет тенденцию мерцать при максимальной нагрузке, что система жизнеобеспечения начинает противно скрипеть, когда фильтры забиваются пылью. Знал и принимал все это, как принимают недостатки старого друга.

Сделка обещала быть простой. Мелкая, по меркам галактического криминала, партия гебенского спайса — редкого, но не запрещенного полностью, а просто обложенного такими драконовскими пошлинами, что официальная перевозка становилась бессмысленной с экономической точки зрения. Четыре небольших контейнера, каждый размером с дорожный кофр, общим весом не больше восьмидесяти килограммов. Груз был компактным, легко скрываемым и достаточно ценным, чтобы оправдать риск. Кайен уже прикинул, куда

спрячет контейнеры в своем корабле, какие отсеки заполнит, какую часть обшивки снимет для маскировки. Он продумал все до мелочей, как делал всегда. Потому что в его деле мелочи имели значение. Одна ошибка, один просчет — и ты либо мертв, либо в руках Легиона, что, по сути, одно и то же.

Встреча с курьером какого-то мелкого барона с луны Тибериуса, человека, которого Кайен никогда не видел в лицо и предпочитал не знать по имени. Анонимность была его защитой. Чем меньше он знал о своих заказчиках, тем меньше мог рассказать под пыткой, если бы его схватили. Чем меньше заказчики знали о нем, тем сложнее было им его предать. Это была старая мудрость, усвоенная им еще в первые годы после бегства из Ордена, когда каждый встречный мог оказаться агентом Гегемонии, а каждый разговор мог стать последним.

Никаких сложностей, никакой стрельбы, никаких неожиданных поворотов. Так он говорил себе, отправляясь на эту сделку. Но опыт подсказывал, что в этом деле не бывает простых операций. Всегда что-то идет не так. Всегда находится какой-то фактор, который не учесть заранее. Всегда появляется кто-то, кто хочет получить твой груз бесплатно. Кайен был готов к этому. Его ладони, несмотря на внешнее спокойствие, были слегка влажными, а сердце билось чуть быстрее обычного. Он называл это боевой готовностью, состоянием,

в котором тело и разум настраивались на возможную опасность.

Гонорар — две тысячи кредитов, которых должно было хватить на ремонт вышедшего из строя топливного инжектора, на замену пробитого микрометеоритом сегмента обшивки и на пару месяцев относительно безбедного существования. Две тысячи кредитов — это была не огромная сумма, но для Кайена она означала передышку. Означала возможность не думать о деньгах хотя бы несколько недель, возможность починить корабль до того, как он развалится на куски, возможность купить нормальную еду и, может быть, даже новые ботинки, потому что его старые уже просили каши. Он планировал потратить их с умом: новый фильтр для системы жизнеобеспечения, который уже начал пропускать тонкую пыль, вызывавшую у него приступы сухого кашля по ночам, пара заплаток на изношенный теплообменник, который грозил окончательно выйти из строя при следующем прыжке, и, может быть, даже нормальная еда вместо синтетической баланды из армейских пайков, вкус которой он уже не мог отличить от вкуса переработанной органики, которой кормили на дешевых станциях.

Эта жизнь не была пределом его мечтаний. Он не родился контрабандистом, не вырос на грязных задворках космических станций, не учился мастерству выживания в трущобах,

где дети с малолетства познают цену куска хлеба и стоимость человеческой жизни. Где-то глубоко внутри, под слоем цинизма, накопившегося за годы скитаний, под маской равнодушия, которую он носил, как вторую кожу, все еще тлел уголек других воспоминаний. Воспоминаний о высоких, залитых светом залах Астральной Академии, где он проводил долгие часы в медитациях и тренировках. Воспоминаний о тихом, но властном голосе Мастера Лиры Танн, которая вела его по пути Потока, учила чувствовать энергию, пронизывающую все сущее. Воспоминаний о чувстве принадлежности к чему-то большему, чем просто выживание, к чему-то, что называлось служением, и что давало его существованию смысл.

Но это было в прошлой жизни. В жизни, которая закончилась резко, грубо, болезненно. В жизни, которая была уничтожена приказом Гегемонии, обвинившей Орден в измене и отправившей Легион «Стальной Шторм» на зачистку храмов. Кайен помнил тот день, словно это было вчера. Помнил крики, огонь, вспышки бластерных выстрелов. Помнил лица своих товарищей, искаженные ужасом и непониманием. Помнил, как Мастер Лира Танн приказала ему бежать, спастись, выжить во что бы то ни стало. И он бежал. Бежал, оставив все, что было ему дорого, все, ради чего он жил. Бежал, чтобы сохранить жизнь, но потерял при этом часть своей души.

Та жизнь оставила после себя лишь горький осадок, старый, выцветший дуэльный браслет, спрятанный под панелью управления, и обостренное чувство опасности, которое он не мог объяснить рационально, но которое не раз спасало его шкуру. Чувство, которое было проявлением его чувствительности к Поток, той самой способности, которую он так старательно пытался подавить. Но Поток не поддавался подавлению. Он пробивался сквозь воздвигнутые Кайеном барьеры, проявлялся в самые неожиданные моменты, как подземный родник, который невозможно засыпать.

Он тряхнул головой, отгоняя непрошенные воспоминания. Сейчас не время. В открытом космосе ностальгия — верный путь на тот свет. Одно неверное движение, одна секунда замешательства, вызванная сентиментальными мыслями, — и ты уже груда замерзшего мяса, дрейфующая среди обломков собственного корабля. Кайен слишком хорошо знал эту истину, впитанную им вместе с кафом на десятках грязных орбитальных заправок, усвоенную в бесчисленных передрягах, из которых он выбирался только благодаря хладнокровию и способности не отвлекаться на посторонние мысли.

Сигнал пришел. Не звуковой, а визуальный — серия коротких, прерывистых вспышек на навигационном дисплее, отраженных от одного из ледяных спутников Веллуса. Ку-

рьер вынырнул из плоскости колец, его старый транспортный челнок, похожий на обглоданный рыбий скелет, неуклюже маневрировал между глыбами льда, то и дело задевая их своим обшарпанным корпусом. Это было странно. Опытный пилот не стал бы так рисковать, не стал бы прокладывать курс через самую плотную часть колец, где вероятность столкновения была максимальной. Опытный пилот выбрал бы более безопасный маршрут, пусть и более длинный.

Кайен нахмурился. Слишком рано. Они договаривались встретиться позже, когда Веллус закроет их от патрульных сканеров с орбитальной станции «Онурис», когда тень планеты накроет этот сектор колец, делая его невидимым для большинства сенсоров. Но, возможно, у курьера были свои причины поторопиться. Возможно, он тоже заметил патруль и решил не рисковать. Возможно, его барон требовал ускорить сделку, угрожая наказанием за задержку. Возможно, у курьера были проблемы с системой жизнеобеспечения, и он не мог больше ждать. Вариантов было много, и ни один из них не нравился Кайену. Слишком много неопределенности, слишком много факторов, которые он не мог контролировать.

Он нажал на гашетку, посылая ответный сигнал, и плавно повел «Скимитар» из своего укрытия. Легкое, едва заметное движение — и хищный, угловатый силуэт его истребите-

ля скользнул в пространство. «Скимитар», когда-то гордый военный перехватчик серии «Клинок-4», теперь был переделан до неузнаваемости. Часть брони снята для снижения массы, что делало его более маневренным, но и более уязвимым. Маскировочное покрытие выцвело и местами облупилось, открывая тусклый металл, исцарапанный микрометеоритами и следами от лазерных попаданий. В одной из балок крыла зияла отметина от недавней стычки с таможенным катером, которую Кайен так и не удосужился залатать, потому что на это не было ни времени, ни денег.

Но несмотря на свой потрепанный вид, «Скимитар» оставался грозной машиной. Его двигатели, модифицированные и усиленные, могли выдавать мощность, о которой не мечтали владельцы стандартных истребителей. Его орудия, снятые со списанного военного крейсера, били точно и сокрушительно. А его системы наведения были настроены с такой точностью, что позволяли поражать цели на предельных дистанциях. Кайен знал каждый болт этого корабля, каждую его причуду, каждый скрип и каждый вздох. Он знал, как заставить его петь, когда другие бы уже рассыпались на куски. «Скимитар» был не просто машиной. Он был продолжением его воли, его телом, его способом существования в этом враждебном космосе.

Челнок приближался. Кайен ощутил смутное беспокой-

ство, иглой кольнувшее затылок. Он не мог объяснить его логически. Курьер был один, транспондер работал на согласованной частоте, сканеры не показывали ничего подозрительного в радиусе двух тысяч километров. Но что-то было не так. Это чувство — его тайное проклятие и благословение — редко подводило. Оно было похоже на тихий шепот на грани слышимости, на едва уловимый запах озона перед грозой, на инстинктивное напряжение зверя, чувствующего приближение хищника. Кайен научился доверять этому чувству, даже когда разум твердил обратное. Потому что каждый раз, когда он игнорировал его, он попадал в неприятности. А каждый раз, когда прислушивался, — выживал.

— Не нравится мне это, — пробормотал он себе под нос, включая сканеры дальнего радиуса. Экран мигнул, выдавая картинку. Ничего. Только камни, лед и безмолвный газовый гигант, равнодушно вззирающий на эту сцену. Ничего подозрительного, никаких признаков засады, никаких скрытых кораблей. Но беспокойство не уходило, оно лишь усиливалось, пульсировало где-то в глубине сознания, как предупреждающий сигнал. — Ладно, старина, давай просто провернем это и уберемся отсюда.

Он запросил стыковку. Подтверждение пришло мгновенно, слишком мгновенно, словно курьер ждал его с нетерпением, граничащим с отчаянием. Створки грузового отсе-

ка челнока начали медленно открываться, обнажая тускло освещенное нутро. Кайен напрягся, его пальцы крепче сжали джойстики, а взгляд заметался по приборам, ища малейший признак опасности. Он чувствовал себя зверем, вышедшим на открытое пространство, где его могут поджидать охотники. Каждый инстинкт кричал ему отступить, развернуться и улететь, но две тысячи кредитов — это две тысячи кредитов. А он не мог позволить себе роскошь отказываться от денег из-за смутных предчувствий.

А потом пространство вокруг него взорвалось.

Из-за крупного, искрящегося в свете далекой звезды астероида вынырнули три истребителя. Это были не патрульные силы Гегемонии, чьи корабли имели строгие, стандартизированные формы, покрытые серо-стальной краской с опознавательными знаками. Это были «Гиены» — уродливые, асимметричные переделки, излюбленные пиратами всех мастей. Их корпуса были раскрашены в кислотно-яркие цвета — ядовито-зеленый, кроваво-красный, грязно-желтый — словно их хозяева пытались кричать о своей опасности всем своим видом, словно сама их внешность должна была внушать ужас. И их орудия уже плевались энергией, извергая струйки раскаленной плазмы, которые неслись к «Скимитару» с убийственной скоростью.

Пираты-гноллы. Кайен узнал их по характерной манере атаки: дерзкой, хаотичной, полагающейся на численное превосходство и внезапность, а не на тактическое мастерство. Гноллы были известны своей жестокостью и жадностью. Они не брали пленных, потому что пленные требовали ресурсов и внимания. Они не вели переговоров, потому что считали себя хозяевами этого сектора космоса. Они забирали все, что могли унести, и уничтожали все остальное, оставляя после себя лишь обломки и смерть. Смерть в их руках была медленной и унижительной, и Кайен не собирался проверять это на собственной шкуре.

Адреналин ударил в кровь, обостряя восприятие. Время для Кайена словно замедлилось, растянулось, как густой сироп. Он видел, как вспыхнули оружейные порты «Гиен», как три пучка раскаленной плазмы сорвались с них и понеслись к нему, оставляя за собой мерцающие, переливающиеся следы. Его руки двигались сами, быстрее, чем мысль, быстрее, чем осознанное решение. Это был чистый инстинкт, усиленный чем-то большим, чем просто рефлексами пилота. Это был Поток, который включился без его воли, направляя его действия, подсказывая правильные траектории, замедляя восприятие времени ровно настолько, чтобы он успевал реагировать на угрозы.

Он рванул джойстик влево, одновременно отключая дви-

гатели. «Скимитар» кувыркнулся вокруг своей оси, пропуская сгустки смерти в каких-то метрах от фюзеляжа. Один из выстрелов прошел так близко, что Кайен услышал шипение — обшивка мгновенно раскалилась, и тонкая струйка расплавленного металла мелькнула за колпаком кабины. Запах горелого пластика ударил в нос, смешиваясь с запахом пота и адреналина.

— Вот дерьмо! — выдохнул он, врубая тягу на полную.
— Вторая засада за неделю! Что я им, магнит для уродов?!

Он знал, что ответа не будет. Был только космос, враги и его рефлексy. Он бросил взгляд на сенсоры. «Гиены» перестраивались, зажимая его в клещи, их траектории пересекались, образуя смертельную паутину, из которой, казалось, не было выхода. Сзади, от челнока, отделились еще два силуэта. Значит, он ошибся. Курьер небыл одинок, он просто умело прятал своих пассажиров за ложными маскировочными полями, которые сходили на нет по мере приближения. Пять против одного.

Это не было честным боем. Это была бойня, в которой ему отводилась роль жертвы. Но Кайен не собирался доставлять им удовольствие. Если уж ему суждено умереть сегодня, то он заберет с собой как можно больше этих ублюдков. Он не собирался сдаваться без боя, не собирался позволить им

взять его живым. Он знал, что ждет тех, кто попадает в плен к гноллам, и эта участь была хуже смерти.

Он направил «Скимитар» в самую гущу колец. Ледяные осколки, от огромных, размером с крейсер, глыб до мелкой крошки, сверкавшей в лучах далекого солнца, замелькали за колпаком кабины. Это был его единственный шанс: потерять их среди хаоса, использовать свое мастерство пилотирования, которое было единственным, что у него осталось. Кольца Веллуса были его стихией, его игровой площадкой, его полем боя, где он чувствовал себя увереннее, чем в открытом космосе. Здесь, среди льда и камня, его маневренность давала ему преимущество, которого не могли компенсировать ни численность, ни огневая мощь врага. Он знал здесь каждый камень, каждый проход, каждую ловушку. И он собирался использовать это знание в полной мере.

Первый залп настиг его у входа в лабиринт. Он почувствовал удар, и «Скимитар» содрогнулся, словно раненый зверь. Тревожные сигналы завывали в кабине, красные огни замигали на приборной панели, освещая лицо Кайена багровыми отблесками. Но он отключил звук. Ему нужна была тишина, чтобы слышать гул двигателя и свист космоса, отраженный от льда. Он доверял своим ощущениям больше, чем приборам, которые могли врать или запаздывать. Приборы показывали только цифры, а ему нужно было чувствовать корабль,

чувствовать его состояние, чувствовать каждую вибрацию, каждое изменение в работе систем.

Он нырнул в узкий проход между двумя гигантскими астероидами. Щиты замерцали, приняв на себя заряд, их энергетическое поле пошло рябью, но выдержало. Хвостовой дефлектор был пробит, но корпус выдержал. «Гиены» не отставали. Они не были идиотами, но их пилоты, накачанные стимуляторами и жаждущие крови, лезли в такие щели, куда пролез бы не каждый камикадзе. Они слишком хотели добычи, слишком верили в свое численное превосходство, слишком недооценивали человека в потрепанном истребителе. И эта недооценка была их слабостью, которую Кайен собирался использовать.

Один из них, преследовавший его по правому флангу, задел своим изогнутым крылом ледяной шип, невидимый из-за отражения света. Его корабль закрутило, закрутило с такой силой, что пилот, вероятно, потерял сознание от перегрузки, и он врезался в скалу, расцвета беззвучным огненным шаром, мгновенно поглощенным холодом космоса. Один минус.

Но радость была недолгой. Два других зашли с флангов, а оставшиеся два — сзади, пытаясь загнать его в узкий канал, который заканчивался тупиком из сплошного льда. Кай-

ен видел это. Он знал эту часть колец, как свои пять пальцев, как карту навигационного компьютера, которую он изучал долгими часами ожидания. Канал был ловушкой, естественной тюрьмой, из которой не было выхода. По крайней мере, для обычного пилота. Но Кайен не был обычным пилотом. И он не собирался играть по их правилам.

— Думаете, поймали? — прошептал он, его глаза сузились, превращаясь в две щелочки, в которых горел холодный, расчетливый огонь.

Он отключил двигатели, позволяя «Скимитару» двигаться по инерции, как камень, выпущенный из пращи. Враги, не ожидавшие такого маневра, проскочили мимо, оказавшись впереди, в самом устье канала. И в этот момент Кайен сделал то, что умел лучше всего: он использовал гравитацию.

Врубив маневровые двигатели на минимальную мощность, он зацепился за гравитационное поле огромного ледяного астероида, резко изменив траекторию. «Скимитар» заложил крутой вираж, который раздавил бы любого обычного пилота, вызвав потерю сознания от перегрузки. Кайен просто стиснул зубы, ощущая, как кровь отливает от лица, как темнеет в глазах, как внутренности вжимаются в позвоночник. Его корабль пронесся в миллиметре от поверхности астероида, поднимая вихрь ледяной пыли, которая сверкну-

ла в лучах далекого солнца, словно бриллиантовая крошка, и оказался у одной из «Гиен» в хвосте.

Он открыл огонь. Пушки «Скимитара», древние, но смертоносные, выплюнули очередь раскаленных снарядов. «Гиена» вспыхнула, разваливаясь на части, ее обломки разлетелись в разные стороны, пополняя коллекцию космического мусора, вращающегося вокруг Веллуса. Вторая.

Два оставшихся истребителя, поняв, что легкая добыча дала отпор, пришли в ярость. Они открыли беспорядочный огонь, плавя лед вокруг Кайена. Глыбы взрывались паром, создавая плотную, непрозрачную завесу, которая скрывала его от их сенсоров. Кайен нырнул в этот пар, словно в спасительный туман, в этот рукотворный хаос, который давал ему шанс на выживание. Он знал, что в этом облаке пара он невидим для их сканеров, но и сам он не мог видеть их. Это была игра вслепую, опасная и рискованная, но у него не было выбора.

Он почувствовал разрыв раньше, чем его зафиксировали приборы. Один из пиратов выпустил протонные торпеды. Четыре яркие точки устремились в облако пара, их следы были похожи на змеящиеся молнии, ищущие свою жертву. Торпеды были самонаводящимися, они искали тепловой след его двигателей, и в этом облаке пара они могли найти

его с большой вероятностью.

Рефлексы, граничащие со сверхъестественным чутьем, включились без его воли. Он просто знал, куда нужно лететь. Это было то самое, что он скрывал, то, что тренировала в нем Мастер Лира Танн много лет назад, то, от чего он отчаянно пытался отречься. Чувство Потока, пронизывающего все сущее, связывающего его с каждым атомом этого мира, — он использовал его не как отвлеченную философию, не как оружие, а как пилотский инстинкт, усиленный до невозможного. Поток подсказывал ему траекторию, шептал о намерениях врагов, направлял его руки, когда разум отказывался справляться с перегрузкой информации. Поток был его вторым зрением, его невидимым радаром, его связью с космосом, которая позволяла ему предвидеть опасность за мгновение до того, как она становилась реальностью.

Он рванул вверх, потом в сторону, закрутив «Скимитар» в невероятном, противоречащем всем законам физики маневре. Торпеды, потеряв цель, ударились о ледяной астероид, превратив его в сверкающую пыль. Взрывная волна ударила по «Скимитару», отбросив его в сторону и вызвав новый залп предупреждающих огней на приборной панели. Кайен почувствовал, как его вжало в кресло, как захрустели ребра под давлением, но он выжил.

Сенсоры вопили о перегрузках. Один из двигателей начал сбоить, его тяга упала на двадцать процентов. Но Кайен уже был в ярости. Он не даст каким-то грязным гноллам покончить с ним. Не после всего, через что он прошел. Не после того, как он выжил в падении Ордена, в бегстве от Легиона «Стальной Шторм», в сотнях стычек и передраг, которые должны были его убить, но не убили. Его смерть будет не здесь, не от рук этих шакалов, промышляющих на окраинах цивилизации.

Он развернулся навстречу оставшимся двум «Гиенам».

— Пошли вы к дьяволу! — прошипел он, зажимая гашетку.

Его выстрелы попали точно в кабину ведущего корабля. Та разлетелась вдребезги, выбросив в пустоту то, что мгновение назад было пилотом. Третья.

Последняя «Гиена», осознав, что осталась одна, попыталась сбежать. Пилот, вероятно, понял, что добыча оказалась слишком зубастой, и теперь думал только о спасении собственной шкуры. Но Кайен не мог допустить, чтобы кто-то доложил об этом налете, чтобы кто-то рассказал о странном пилоте, который уклоняется от торпед так, словно видит их траектории заранее. Такие слухи могли дойти до ушей Геге-

монии, а этого он позволить не мог. Слухи о пилоте, обладающем сверхъестественными способностями, могли заинтересовать инквизиторов, которые все еще охотились за выжившими рыцарями Ордена.

Он бросился в погоню, маневрируя между ледяными скалами, как струйка дыма, как тень, скользящая по стенам. Расстояние сокращалось. Он уже видел паникующего пилота в кабине — худого, покрытого шрамами гнолла с безумными глазами, в которых плескался ужас. Гнолл лихорадочно пытался увести свой корабль в открытый космос, подальше от этих проклятых колец, ставших могилой для его товарищей. Но его корабль был слишком медленным, слишком неповоротливым, чтобы уйти от «Скимитара», разогнавшегося до максимальной скорости.

Кайен нажал на спуск, и орудия «Скимитара» выплюнули сноп раскаленного металла. Корабль пирата разлетелся на куски, обломки разлетелись в разные стороны, добавив еще одно пятно к истории этой проклятой системы, еще один шрам на теле колец Веллуса.

Тишина. Глубокая, космическая, оглушающая после грохота боя. Такая тишина, что Кайен слышал собственное дыхание, собственное сердцебиение, собственные мысли, которые металась в голове, как испуганные птицы.

Он откинулся в кресле, пытаясь отдышаться. Сердце бешено колотилось где-то в горле, грозя выпрыгнуть наружу. Руки мелко дрожали, пальцы, сжимавшие джойстики, побелели от напряжения. Он вытер пот со лба, смешанный с ледяным холодом, пробиравшимся сквозь поврежденную систему терморегуляции. Во рту был металлический привкус — адреналин, страх, ярость — все смешалось в единый коктейль, от которого мутило.

Он был жив. Против всех шансов.

Повернув «Скимитар» к туше челнока, он увидел, что тот дрейфует, разгерметизированный и разорванный. В ходе боя один из выстрелов «Гиен» попал в него, пробив корпус и уничтожив систему жизнеобеспечения. Курьер, вероятно, погиб мгновенно, замерзнув в вакууме. И, что самое главное, его груз — четыре контейнера с гебенским спайсом, за который Кайен должен был получить свои две тысячи кредитов, — превратились в облако замерзших кристаллов, сверкающих в лучах далекого солнца, словно насмешка над его усилиями.

Он потерял все. Снова.

Кайен ударил кулаком по приборной панели. Еще раз. И

еще.

— Проклятье! Проклятье, проклятье, проклятье!

Злость, смешанная с отчаянием, захлестнула его, как волна. Он был измотан, его корабль едва держался, а в кармане не было ни гроша. Он просидел в этой ледяной дыре три дня, питаясь просроченными пайками и запивая их теплым кафом, чтобы в итоге остаться ни с чем. Кому какое дело до его героического спасения? Спайса нет. Денег нет. Осталась только куча нового металлолома на орбите, которая будет вращаться вокруг Веллуса еще миллионы лет, пока не упадет на его ледяную поверхность.

Он заставил себя сделать глубокий вдох. Потом еще один. Паника — плохой советчик. Паника убивает быстрее, чем вражеский огонь. Паника заставляет совершать ошибки, а ошибки в его положении — непозволительная роскошь.

— Ладно, Кайен, думай, — сказал он себе, глядя на мерцающую панель повреждений. — Ты все еще жив. Это главное.

Он начал медленно выводить искалеченный «Скимитар» из плоскости колец. Главное сейчас — добраться до ближайшего порта, где можно было бы починиться. Ближайшим

был «Онурис», орбитальная станция Гегемонии, висевшая над Веллусом, как сторожевой пес. Слишком рискованно. Туда он соваться не хотел — слишком много глаз, слишком много сканеров, слишком много вопросов, на которые у него не было ответов. На «Онурисе» его могли опознать, могли заподозрить, могли арестовать по малейшему поводу. А для человека с его прошлым даже малейшее подозрение могло стать смертным приговором.

Оставался «Бархатный Вихрь» — пересадочный узел в соседней системе, место, где задавали вопросы только если у тебя есть на это деньги, и где за небольшую мзду можно было остаться невидимым для официальных властей. «Бархатный Вихрь» был известен своей атмосферой вседозволенности, своими грязными барами, сомнительными сделками и отсутствием какого-либо контроля со стороны Гегемонии. Это было идеальное место для таких, как Кайен, — изгоев, беглецов, контрабандистов. Но туда с его поврежденным двигателем пилить шесть часов, шесть долгих часов в открытом космосе, где его могли перехватить патрули или новые пираты. Шесть часов с поврежденным дефлектором, с барахлящим двигателем, с системой жизнеобеспечения, работающей на пределе.

Он скормил координаты навигационному компьютеру, и тот, к счастью, все еще работал, хотя экран мигал и время от

времени искажался. Курс был проложен. Теперь оставалось только молиться, чтобы двигатель не сдох по дороге, чтобы система жизнеобеспечения выдержала, чтобы топливные трубопроводы не дали течь. Молиться — хотя Кайен давно не верил ни в каких богов. Единственным, во что он верил, был Поток, но и этой вере он старался не давать хода.

Когда «Скимитар» оторвался от колец Веллуса и лег на новый курс, Кайен позволил себе немного расслабиться. Со всем чуть-чуть, ровно настолько, чтобы не потерять бдительность. Он отстегнулся от кресла, потянулся, чувствуя, как хрустят позвонки, как ноют мышцы, перенапряженные во время боя, и подошел к небольшому отсеку позади кресла, где хранил свои скромные пожитки. Там было немного: смена одежды, пара инструментов, старый бластер, завернутый в промасленную тряпку, несколько упаковок сухого пайка и термос с кафом. Он налил себе немного дешевого кафа, который уже давно остыл. Напиток был горьким и холодным, но лучше, чем ничего. Он сделал глоток, поморщился и вернулся в кресло.

Сев обратно, он открыл потайную панель под главным управлением. Внутри, обмотанный куском выцветшей красной ткани, лежал его Астральный Клинок. Оружие, которое он не брал в руки уже больше пяти лет, но которое всегда было рядом, как напоминание о том, кем он был и от чего

бежал.

Он вытащил его и взвесил на ладони. Рукоять была холодной на ощупь, но казалась знакомой, как продолжение его собственной руки, как часть его тела, которую он ампутировал, но которая все еще фантомно болела. Навершие из кристалла кайберна, тусклого, почти угасшего, мерцало слабым, едва заметным светом, реагируя на его присутствие, на его мысли, на его чувства. Когда-то этот клинок был символом его надежды, символом его предназначения. Теперь — просто напоминанием о том, кто он такой на самом деле.

Мастер Лира Танн. Её лицо, спокойное и умудренное, с тонкими морщинками вокруг глаз и серебристыми прядями в темных волосах, всплыло в его памяти. Она была последним человеком, который верил в него, последним, кто видел в нем не изгоя и не контрабандиста, а рыцаря, способного на великие дела. Она учила его не только обращению с клинком, не только боевым искусствам, но и искусству чувствовать Поток, течь с ним, а не бороться, использовать его как союзника, а не как врага. Она говорила, что Поток — это не сила, которой можно обладать, а река, в которой можно плыть. И Кайен, сам того не желая, плыл в этой реке каждый день, даже когда пытался отрицать ее существование.

Он помнил ее уроки, помнил ее слова, помнил ее муд-

рость. Она учила его, что Поток — это не просто энергия, это связь между всеми живыми существами, это сила, которая объединяет вселенную в единое целое. Она учила его, что истинная сила рыцаря не в его клинке, а в его способности чувствовать и понимать Поток, следовать его воле, а не навязывать свою. Она учила его смирению, терпению и состраданию. И он забыл все эти уроки, когда бежал, спасая свою шкуру.

Но Орден пал. Рыцарей, подобных ей, объявили вне закона, обвинив в заговоре против Гегемонии. Их храмы были разрушены, их знания — утрачены, их последователи — рассеяны по галактике. Гегемония, подмявшая под себя галактику, не терпела тех, кто обладал силой, которую нельзя было контролировать, тех, кто мог бросить вызов ее власти. Легион «Стальной Шторм» — элитные штурмовики, наводившие ужас на целые системы, — получил приказ уничтожить всех, кто имел хоть малейшую связь с Орденом.

Кайен бежал. Бежал от своего прошлого, от своего предназначения, от смерти, которая шла за ним по пятам. Он решил, что проще быть никем, мелким перевозчиком контрабанды, чем мертвым героем. Он отказался от Потока, заглушил его, запер в самой глубине своего существа, как запирают в клетку дикого зверя. Но зверь не стал ручным. Он лишь ждал своего часа, чтобы вырваться на свободу.

Но в такие моменты, как этот, когда смерть дышала в затылок, когда рефлексy не успевали за мыслью, он не мог отрицать, что Поток не отказался от него. Поток был частью его, и он всегда будет частью его, как кровь, текущая в венах, как воздух, наполняющий легкие. Поток был его сущностью, его природой, его проклятием. И сколько бы он ни пытался убежать, Поток всегда будет с ним.

Он не включал клинок. Просто смотрел на него, чувствуя исходящий от него слабый, но знакомый пульс энергии. Это было его проклятие и его спасение. Его тайна и его судьба.

— Скоро, — прошептал он, обращаясь то ли к клинку, то ли к самому себе. — Скоро у нас будет достаточно денег, чтобы убраться подальше от Гегемонии и их поганого Легиона. Куда-нибудь на Край Света. Где нас никто не найдет.

Он убрал клинок обратно в тайник и закрыл панель.

Эти слова были ложью. Он знал это. Где бы он ни был, он всегда будет беглецом. Рыцарем без Ордена. Контрабандистом без будущего. Просто человеком, который слишком хорошо научился выживать, но так и не научился жить. Человеком, который потерял все, что имело значение, и теперь цеплялся за жалкие остатки существования.

Впереди, сквозь потрескавшееся стекло кабины, он видел бесчисленные звезды. Холодные, равнодушные, далекие. Где-то там, среди них, была и её система. Место, где он оставил Лиру Танн и свою прошлую жизнь. Место, куда он боялся вернуться и куда его неудержимо тянуло. Он не знал, жива ли она, не знал, что стало с ней после падения Ордена. Но он чувствовал — где-то в глубине Потока, — что она все еще существует, все еще борется, все еще ждет его возвращения.

Он отогнал и эту мысль.

Сначала — ремонт. Потом — новая работа. Возможно, доставка медицинских препаратов на окраинные планеты, где свирепствовали эпидемии. Или перевозка оружия для мелких повстанческих группировок, пытавшихся противостоять Гегемонии. Или контрабанда редких минералов с астероидных шахт. Не важно. Работа найдется всегда, если знаешь, где искать, если готов рисковать, если не задаешь лишних вопросов. А Кайен был готов. Он всегда был готов.

Он откинулся в кресле, закрыл глаза и попытался уснуть под монотонный гул поврежденного двигателя. Но сон не шел. Перед глазами все еще стояли вспышки лазерных залпов и обломки пиратских кораблей, разлетающиеся в пустоте. В ушах все еще звучал вой сирен и треск разрываемого

металла. А в груди все еще тлел тот самый уголек, который он так старательно пытался затушить все эти годы.

Он выжил. В этот раз.

Но с каждым новым днем он все глубже загонял себя в угол. И он знал, что когда-нибудь этот угол схлопнется, сожмется вокруг него, не оставив ни единого шанса на спасение. Просто не знал, когда и где это произойдет.

А пока он летел дальше, в темноту, навстречу своему неясному, полному опасностей будущему. Контрабандист. Изгой. И, по воле судьбы, — последний рыцарь Ордена Астральных Мечников, скрывающийся от бдительного oka Гегемонии.

Где-то в глубине корабля что-то скрипнуло, напомнив о необходимости ремонта. Кайен вздохнул, открыл глаза и уставился на бесконечную черноту космоса. Шесть часов до «Бархатного Вихря». Шесть часов наедине со своими мыслями, со своим прошлым и со своим неопределенным будущим.

Он снова закрыл глаза и позволил усталости взять верх. Сон пришел не сразу, но когда пришел, он был глубоким и лишенным сновидений. Впервые за долгое время Кайену не

снились ни падающие храмы, ни крики умирающих, ни холодный взгляд штурмовиков Легиона. Ему вообще ничего не снилось. Просто пустота, такая же безмолвная и равнодушная, как космос за бортом его корабля.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.